

Михаил Абрамович Заборов **Опыт Парижской Коммуны** **и борьба коммунистических партий буржуазных стран** **за демократию и социализм в современных условиях**

Вопросы истории, 1971, № 3. С.95.107

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2012

Одна из главных закономерностей перехода от капитализма к социализму — революционное низвержение власти капитала и установление диктатуры пролетариата в той или иной форме¹. Эта закономерность, открытая основоположниками марксизма, впервые была проверена и подтверждена сто лет тому назад, в дни Парижской коммуны 1871 г.— первой пролетарской революции. Не удивительно, что сегодня, когда рабочий класс встал в авангарде мирового общественного развития, коммунисты неизменно обращаются не только к наиболее кардинальному рубежу в истории — Великому Октябрю, но и к опыту Парижской коммуны, как бы сверяя свой компас с историей.

Та же причина — закономерность социалистической революции и диктатуры пролетариата как государства переходного периода от капитализма к социализму, получившая свое многократное историческое подтверждение за последние полвека,— заставляет, однако, и идейных врагов марксизма-ленинизма непрестанно вести ответный огонь. Они пытаются дискредитировать идею социалистической революции, диктатуры пролетариата и ее конкретно-исторические воплощения, начиная с Парижской коммуны. Стремясь во что бы то ни стало опровергнуть марксистско-ленинскую концепцию путей перехода к социализму, идеологи современной буржуазии и правой социал-демократии с особой настойчивостью тшчатся доказать «несовместимость» диктатуры пролетариата с демократией и «отлучить» от демократии, в частности, Парижскую коммуну. Способ, к которому прибегают буржуазно-реформистские фальсификаторы для того, чтобы бросить тень на картину современного социалистического мира и одновременно в искаженном свете представить истинный облик первого пролетарского государства, до крайности прост: диктатура и демократия противопоставляются как некие абстрактные понятия; их реальное классовое содержание полностью выхолащивается.

В результате такой «операции» диктатура пролетариата подводится под рубрику «тоталитарного режима». «Диктатура всегда остается диктатурой» — так в свое время сформулировали этот тезис французские буржуазные политики, имея в виду нанести удар по марксистско-ленинской концепции пролетарского государства². Тот же ан-

¹ См. «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм». М. 1964, стр. 12.

² См. G. Cogniot. Quelques enseignements de la Commune de Paris. «Cahiers du communisme», 1958, № 4, p. 627; «Идеология современного реформизма Критика концепций правых социалистов». М. 1970, стр. 438 сл.; Ф. М. Бурлацкий. Ленин, государство, политика. М. 1970, стр. 332 сл.

тикоммунистический штамп, нашедший широкое применение в практике идеологических диверсий империалистической реакции³, был использован правительственной пропагандой во время майских событий 1968 г. во Франции. Когда власти намеревались двинуть армию против бастовавших трудящихся Парижа, официальная пресса с целью опорочить коммунистов пустила в ход избитый довод: стране якобы угрожает «диктатура тоталитарного коммунизма»⁴. Вместе с тем буржуазная демократия апологетически преподносится идеологами империализма и пропагандирующими их взгляды правосоциалистическими теоретиками в виде «чистой», надклассовой демократии, олицетворяющей собой «идеальную» форму государственности, якобы благодетельную для всех членов общества⁵.

В этих построениях анализ конкретных исторических явлений и фактов подменяется обычно игрой в слова. Тем не менее идеологи империалистической буржуазии и до сих пор не отказываются прибегать к данному приему, хотя и устаревшему и давно уже показавшему свою негодность, но порою еще достигающему успеха среди не искушенных в теории и в политике людей⁶. Выявляя несостоятельность подобной антитезы и показывая на примере Парижской коммуны сущность пролетарского государства, известный французский коммунист-теоретик, член ЦК ФКП В. Жоаннес отмечал, что в период режима личной власти политические деятели господствующего класса, «взывая к прочно укоренившимся предрассудкам», софистически противопоставляли понятия «демократия», «свобода» (без каких-либо уточнений) понятию «диктатура» (тоже без всяких пояснений), избегая при этом ставить единственно уместный и необходимый вопрос, ответ на который раскрыл бы реальное содержание данных понятий: демократия и свобода — для кого, для каких классов и общественных групп, диктатура — какого класса, в чьих классовых интересах?⁷ Именно такой постановки вопроса требовал В. И. Ленин⁸, и об этом напоминают сегодня деятели международного коммунистического и рабочего движения в своих работах о Парижской коммуне.

Нарочитое смещение буржуазно-реформистскими идеологами понятий, отрывааемых от социального, исторического субстрата, как показывает современная практика, есть один из распространенных методов «обоснования» концепций антикоммунизма. Сталкиваясь в своей повседневной деятельности со злостными искажениями политических понятий и с извращениями самих принципов и целей коммунистических и рабочих партий, коммунисты неустанно разоблачают эти политические спекуляции. Научное истолкование опыта Парижской коммуны, опирающееся на анализ событий 1871 г., данный в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, оказывает коммунистам неоценимую услугу в политическом просвещении и обучении масс азбуке марксизма-ленинизма, в борьбе за демократию и социализм. Вместе с историком-марксистом Ж. Дотри можно сказать, что, хотя версальцы нанесли смертельный удар Коммуне, она не только не признала и не признает

³ См. Б. Н. Пономарев. *Борьба против антикоммунизма — важнейшее условие успеха революционных сил современности.* «Против современного антикоммунизма». Прага, 1970, стр. 48.

⁴ См. Ю. В. Егоров. *Рабочее движение во Франции в 1968 г.* «Борьба классов и современный мир. (Актуальные проблемы рабочего движения стран развитого капитализма)». М. 1970, стр. 83.

⁵ Об этих теориях см. «Идеология современного реформизма. Критика концепций правых социалистов», стр. 237 сл.

⁶ См. G. Cogniot. *Op. cit.*, p. 627.

⁷ V. Joannes. *La Commune de Paris, la dictature du proletariat.* «Cahiers de l'Institut Morice Thorez», 1968, № 10, p. 51.

⁸ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 41, стр. 425.

себя побежденной⁹, но, как и во времена Э. Потье, «несмотря ни на что, жива»¹⁰.

Да, коммунары и сегодня в боевом строю. Их героические битвы и новаторское социально-политическое творчество живут в деяниях марксистско-ленинских партий, служат для них школой политического опыта и просвещения масс. Этим прежде всего и объясняется то большое внимание, которое коммунистические и рабочие партии, а особенно Французская компартия, выступающая как «законная наследница революционных и демократических традиций французского народа, как продолжательница дела героической Парижской коммуны»¹¹, уделяют пропаганде революционных свершений Коммуны 1871 г., связывая их с насущными потребностями пролетарской борьбы сегодняшнего дня. Своим десятинедельным существованием Парижская коммуна опровергает часто встречающееся в работах антикоммунистов утверждение, будто диктатура пролетариата есть «чисто русское» явление; что ее цель — только «преодоление отсталости в развитии»; что в странах западной цивилизации с их высоким уровнем экономики для пролетарской диктатуры «нет почвы»¹². Исторические факты никак не согласуются с подобными представлениями: из истории нельзя вычеркнуть того, что прообраз диктатуры пролетариата впервые возник — и теоретическая мысль коммунистов особо оттеняет это обстоятельство — в одной из самых значительных и обладавших высокой цивилизацией стран Западной Европы — во Франции¹³.

Разумеется, марксисты-ленинцы вовсе не отождествляют политическую структуру будущего социалистического общества тех стран Запада, которые по сию пору являются капиталистическими, с Коммуной 1871 г., ибо она была лишь эмбриональной формой диктатуры пролетариата в период его сравнительной незрелости. Как ни огромно международное значение Коммуны, тем не менее сначала Великий Октябрь, а затем и социалистические революции в странах трех континентов после второй мировой войны внесли столько нового в марксистско-ленинскую концепцию перехода к социализму, что ныне во многом иначе ставится вопрос о темпах, методах этого перехода и формах социалистической государственности. Нет никакого сомнения в том, что новые социалистические революции принесут с собой и новый опыт. Он будет определяться как богатством национальной специфики тех стран, которые станут ареной революционно-социалистических преобразований, так и дальнейшим изменением соотношения сил капитализма и социализма в пользу последнего.

Однако революционный опыт 1871, 1917, последующих годов и тогда сохранит свою непреходящую интернациональную ценность для рабочего класса. Ведь и в новых странах, где победит социалистическая революция, неизбежно повторение некоторых наиболее общих принципов и черт этого опыта. Именно в этом смысле К. Маркс пророчески писал, что принципы Коммуны вечны и не могут быть уничтожены. Разве не примечательно в данной связи, что в наши дни, когда вопрос о завоевании власти пролетариатом поставлен в порядок дня как зада-

⁹ J. Dautry. La Commune battue ne s'avoue pas vaincue. «France nouvelle», № 1013, 17—23.III.1965, pp. 24—26.

¹⁰ E. Tersen. La Commune de Paris, fourrier d'une société nouvelle. «La Nouvelle Revue Internationale», 1961, № 5, pp. 101—102.

¹¹ «Приветствие ЦК КПСС Центральному Комитету Французской коммунистической партии» («Правда», 29.XII.1970).

¹² См., например, R. Löwenthal. Der russische Oktober als Revolution neuen Typs. «Deutschland und die russische Revolution». Stuttgart. 1968, S. 28; R. Lewitzky. Die kommunistische Partei der Sowjetunion. Porträt eines Ordens. Stuttgart. 1967, S. 153.

¹³ См. А. И. Молок. Историческое значение Парижской коммуны. «Коммунист», 1961, № 4, стр. 88.

ча международного масштаба¹⁴, теоретический орган Компартии Великобритании «Marxisme Today» избрал эпиграфом к одному из своих номеров, посвященных марксистско-ленинскому учению о диктатуре пролетариата, знаменитую фразу Ф. Энгельса, которой заканчивалось его введение к «Гражданской войне во Франции» К. Маркса, и напечатал ее красными литерами на титульном листе: «Посмотрите на Парижскую Коммуну. Это была диктатура пролетариата»¹⁵. Примечательно также, что французские коммунисты, принимая на своем XIX съезде Обращение по случаю 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, сочли необходимым особо отметить в этом документе то внимание, с которым великий вождь пролетариата изучал историю Парижской коммуны, и те плодотворные уроки, которые он извлек из ее героического опыта¹⁶. Эти и многие другие факты свидетельствуют о неувядаемом значении Коммуны в борьбе международного коммунистического и рабочего движения за ее идеалы.

Добиваясь их воплощения в жизнь, зарубежные коммунисты систематически и настойчиво разъясняют трудящимся ту истину, что уже первая в истории власть рабочих представляла собой и «самую широкую демократию, и самый решительный социальный прогресс, и самое глубокое воплощение национальных интересов»¹⁷. Именно поэтому, несмотря на то, что со времени Коммуны история ушла далеко вперед, а идеи Коммуны и Великого Октября стали ныне реальностью для трети человечества, международное коммунистическое движение не перестает вспоминать о героических 72 днях 1871 года. Коммунисты неумоимо анализируют революционный опыт прошлого, «открывая все новые прекрасные страницы истории Коммуны и извлекая все новые уроки из той необычной весны», как писала «L'Humanité». «Дорогая Коммуна,— мысленно обращалась газета Французской компартии к борцам 1871 г., выражая чувства всего революционного рабочего класса страны,— пусть реакция не заблуждается на этот счет, мы не перестали читать о тебе, писать о тебе, воодушевляться тобою...»¹⁸.

Непреходящей актуальностью опыта государственного, социального и культурного строительства коммунаров во многом объясняются и упорные старания ревизионистов интерпретировать Парижскую коммуну в духе отрицания и извращения ее подлинной исторической сущности и характера. Ревизионисты правого толка, подгоняя государственное устройство Коммуны под собственные политические установки, как бы проецируют в прошлое изобретенные ими самими «идеальные модели социализма», ничего общего не имеющие с научным социализмом. Нередко они трактуют Коммуну в качестве «чистой» демократии «либерального» типа и, абсолютизируя недостатки Коммуны, ее непоследовательность в вопросах применения рабочей власти, призывают учитывать и использовать именно эти, слабые стороны деятельности коммунаров «при моделировании политической организации современного социализма». Под видом защиты принципов введенного Коммуной пролетарского самоуправления и непосредственной демократии проповедуется идея «либерализованного социализма», выдвигается требование уничтожения «партиократии», то есть ликвидации руководящей роли революционной марксистско-ленинской партии в системе диктатуры пролетариата. Ссылками на ошибочные федералистские тенденции¹⁹,

¹⁴ Р. Арисменди. Маркс, Энгельс и Ленин о путях революции. «Коммунист», 1970, № 2, стр. 31.

¹⁵ См. «Marxisme Today», vol. 13, 1969, № 11.

¹⁶ См. «L'Appel pour le centième anniversaire de la naissance de Lénine». «L'Humanité», 9 II.1970, p. 11.

¹⁷ См. N. Feld. Huit jours en mai. «L'Humanité», 26.V.1964, p. 6

¹⁸ M. Boris. Des livres pour honorer la Commune. «L'Humanité», 25.V.1962, p. 2.

¹⁹ См., например, N. Šmailagić. Marx i Bakunjin o Pariškoj komuni. «Pregled», 1965, № 9, str. 163—188; 1966, №1—2, str. 31—48; № 3, str. 193—209.

подчас проявлявшиеся у коммунаров, «обосновывается» необходимость политической децентрализации в социалистическом обществе. Более того, по мнению правых ревизионистов, Коммуна якобы доказала, что при переходе от капитализма к социализму власть вообще не должна строиться «под знаком революционной диктатуры»: пролетариат-де может обойтись без нее. Такое представление находится в полном противоречии и с историческими фактами и с их оценкой и выводами, сделанными основоположниками марксизма-ленинизма. «Развитие вперед, т. е. к коммунизму,— писал В. И. Ленин,— идет через диктатуру пролетариата и иначе идти не может, ибо *сломить сопротивление эксплуататоров-капиталистов больше некому и иным путем нельзя*»²⁰.

Разоблачая антисоциалистическую направленность праворевизионистских концепций истории Парижской коммуны, марксисты-ленинцы показывают, что подобные концепции представляют собой завуалированные превратно истолкованными историческими фактами призывы к отказу от диктатуры пролетариата в пользу буржуазной демократии. Отрицание диктатуры пролетариата — это классическая, по определению Г. Холла, черта современного ревизионизма. Современные ревизионисты любят декларировать «приемлемость» марксистского учения о классовой борьбе, но при этом объявляют «утратившей силу» идею диктатуры пролетариата: она якобы стала «балластом», от которого надо отказаться (такого рода советы давались, например, Коммунистической партии Финляндии во время дискуссии по вопросу о путях перехода к социализму, имевшей место в ее среде в начале 60-х годов)²¹. Однако, как справедливо отметил на XIX съезде Коммунистической партии США ее Генеральный секретарь, «научная теория не есть простое собрание положений, из которых можно выбрать какое-нибудь одно, словно блюдо в кафетерии. Это логически взаимосвязанный комплекс — целая цепь положений, где одно является непременным следствием другого. Таким образом, идея политической власти рабочего класса как необходимой основы социализма неизбежно вытекает из марксистской концепции классовой борьбы. Невозможно отбросить одно, не отбрасывая другое»²². А ведь именно так поступают правые ревизионисты, обращаясь, в частности, к 1871 году. Они извращают опыт коммунаров, когда заявляют, будто Парижская коммуна представляла собой форму общественного самоуправления, основанного на «негосударственном единстве» и «свободных ассоциациях» с «прямой демократией». Эти базирующиеся на искаженном понимании Коммуны выпады против демократического централизма в организации политической власти рабочего класса — старое занятие врагов марксизма, сокрушительный удар которым нанес еще В. И. Ленин, разбирая взгляды оппортунистов, фальсифицировавших выводы К. Маркса, сделанные им на основе изучения опыта Коммуны.

В действительности Коммуна была воплощением пролетарского демократического централизма, и об этой ее черте постоянно напоминают марксисты-ленинцы, заботясь о наиболее полном и глубоком разъяснении массам своих идей и целей. Не случайно в беседе с делегацией журнала «Проблемы мира и социализма» в сентябре 1969 г. член Политбюро ФКП Ж. Дюкло обращал внимание на тот, казалось бы, незначительный факт, что коммунары изменили однажды название своего официального органа и вместо «Journal officiel de la République Française» выпустили его под наименованием «Journal de la Commune de Paris». Это была типично партикулярнистская политическая ошибка.

²⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 33, стр. 88.

²¹ См. «О путях перехода к социализму и о диктатуре пролетариата» («Коммунист», 1965, № 4, стр. 92).

²² G. Hall. On Course: The Revolutionary Process. Report to the 19th National Convention of the Communist Party U.S.A. by Its General Secretary. N. Y. 1969, p. 84.

Но, как отметил Дюкло, она «просуществовала всего один день — революционерам пришлось прибегнуть к самокритике, и они вернулись к прежнему наименованию»²³, то есть идея централизма восторжествовала.

Давно доказано, что Парижская коммуна выступала прежде всего как общепарижское правительство: Совет Коммуны признал незаконность версальского Национального собрания и всех его актов; он издавал законы, предназначенные для всей страны, а не только для столицы; он стремился распространить революцию на всю территорию Франции²⁴. Так реконструкция истинной истории Парижской коммуны помогает коммунистам в борьбе против праворевизионистских извращений идеи диктатуры пролетариата.

Искажение идеи диктатуры пролетариата и фактический отказ от нее, маскируемый, однако, лицемерными ссылками на Парижскую коммуна, — характерная черта не только правого, но и современного «левого» ревизионизма. Не раз теоретики «левого» сектантства пытались прокламировать и теоретически обосновывать свое понимание политического переворота, производимого будто бы в развитие опыта Парижской коммуны. Кошунственный характер подобных попыток совершенно очевиден. Что общего между истинно демократичной для трудящихся властью парижских рабочих и ремесленников 1871 г., властью, тесно связанной с народом и опирающейся на народ, — и режимом, находящимся в отрыве от народа? Ведь таковой характеризуется именно ущемлением прав и свобод граждан, фактической ликвидацией представительных учреждений. По остроумному определению болгарского ученого, это «диктатура без пролетариата»²⁵, в которой нет ни грана близости к Парижской коммуне. А апелляцию к ее опыту для обоснования ревизии марксистско-ленинской концепции социалистического государства нельзя квалифицировать иначе, как глумление над памятью героев и мучеников 1871 года.

В опровержение писаний буржуазных клеветников, оппортунистов, правых и «левых» ревизионистов марксисты-ленинцы подчеркивают, что, сказав «нет» старому строю, коммунары попытались разрушить военно-бюрократическую машину буржуазного государства и создать свое собственное государство, «свою правительственную систему»²⁶, явившую собой образец «демократии для всех трудящихся, несравнимо более высокой, чем формальная, шаткая демократия наиболее либеральных буржуазных режимов»²⁷. С уважением и признательностью воздавая должное первым строителям этой новой демократии, марксисты-ленинцы вновь и вновь напоминают о тех конкретных чертах, которые отличали Коммуну как демократическое государство трудящихся. Парижская коммуна упразднила привилегии высокопоставленных государственных служащих и ликвидировала таким образом высшую чиновную бюрократию — опору господства буржуазии. Коммуна уничтожила префектуру полиции, реорганизовала на демократических началах судебное ведомство, установила выборность, сменяемость и действительную, а не показную ответственность перед народом должностных лиц, вышедших из гущи народных масс²⁸. Коммунары радикально

²³ См. «Работа французских коммунистов в муниципалитетах» («Проблемы мира и социализма», 1970, № 2, стр. 81—82).

²⁴ См. I. Grajewska. Komuna Paryska 1871 r. Zagadnienia władzy proletariackiej. Warszawa. 1961, стр. 96—110.

²⁵ Я. Радев. Диктатура без пролетариата. «Новое время», 1970, № 7, стр. 80 сл.

²⁶ П. Куртад. Штурмующие небо. «Правда», 18.III.1962.

²⁷ G. Cogniot. Op. cit., p. 622.

²⁸ Ibid.; A. Молок. Историческое значение Парижской коммуны, стр. 81—82; J. Cohen. The Dictatorship of the Proletariat as seen by Marx, Engels and Lenin. «Marxism Today», vol. 13, 1969, № 11, pp. 328—330; V. Gerratana. Introduzione (V. I. Lenin. Stato e rivoluzione). Roma. 1966, p. 43 etc.

изменили характер представительных учреждений: парламентаризм как особая система «разделения труда», законодательного и исполнительного, равно как и привилегированное положение для депутатов, исчезли; Коммуна была «работающей корпорацией» (в противовес парламентским говорильным буржуазным государствам, прикрывающим все-таки исполнительную власть). Слом старого, буржуазного государства, построение в некоторых основных чертах государственной организации, опирающейся на народ,— вот что характеризует Коммуну в качестве диктатуры пролетариата, пролетарской демократии. Коммунисты в особенности подчеркивают новый характер этой демократии, а прежде всего тот указанный еще основоположниками марксизма-ленинизма факт, что «Совет Коммуны был не только обсуждающей и законодательствующей ассамблеей,— он был Советом исполнения и действия. Он опирается на народ, ибо вышел из народа». Эта «связь с народом, организованным в клубы и синдикаты, и есть образец «прямого народоправства», дальнейшим развитием которого явились Советы»²⁹.

Решительно борясь с попытками дискредитации марксистского учения о диктатуре пролетариата, ленинцы, обращаясь к опыту Парижской коммуны, подчеркивают ту мысль, что основные функции пролетарского государства (репрессивные, защитные и созидательные) находятся в разное время в неодинаковом соотношении. Буржуазные идеологи, а вслед за ними правые социал-демократы и ревизионисты, умышленно искажая сущность диктатуры пролетариата и отождествляя ее с неким абстрактно понимаемым «тоталитаризмом», делают упор исключительно на тех политических функциях государства пролетариата, которые связаны с применением насилия. Такое перенесение центра тяжести представляет собой злостное извращение марксистско-ленинского понимания исторического предназначения государства рабочего класса. Раскрывая его, М. Торез часто напоминал слова В. И. Ленина о том, что «в нашем идеале нет места насилию над людьми», что «все развитие идет к уничтожению насильственного господства одной части общества над другой»³⁰. «Цель коммунистов,— говорил М. Торез на международном Совещании представителей коммунистических и рабочих партий 1960 г.,— счастье людей, освобождение всего общества, расцвет всех человеческих способностей каждого, наибольшая свобода для каждого в условиях социалистической гармонии и всеобщего мира»³¹.

Будучи последовательными гуманистами, коммунисты используют представляющиеся возможности, чтобы избежать насилия как в период завоевания власти, так и при построении социализма. В той мере, в какой это от него зависит, рабочий класс старается отдать предпочтение методам убеждения, а не принуждения. Но ведь не все зависит от трудящихся! Чем шире изъясляет буржуазия готовность сотрудничать с пролетариатом и его союзниками, тем легче, быстрее, с меньшими материальными и человеческими потерями осуществляются социалистические преобразования³². Но, как писал Н. Г. Чернышевский, история— это не тротуар Невского проспекта. Пролетариат оказывается порою вынужденным применять насилие против эксплуататоров для того, чтобы разбить старый государственный аппарат— орудие репрессий, а также для того, чтобы в союзе с другими слоями народа подавить сопротивление свергнутых эксплуататорских классов, нередко поддерживаемых извне, о чем свидетельствуют и опыт Парижской коммуны и опыт Великой Октябрьской социалистической революции,

²⁹ J. G a s o n. Le 90e anniversaire de la Commune de Paris et quelques ouvrages qui s'y rapportent. «Cahiers du communisme», 1961, № 3, p. 562.

³⁰ В. И. Л е н и н. ПСС. Т. 30, стр. 122.

³¹ М. Т о р е з. Oeuvres choisies. Т. 3. P. 1965, p. 196

³² V. J o a n n e s. Op. cit., p. 56.

гражданской войны и борьбы с контрреволюционными заговорами против Советской власти.

Слом аппарата классового господства буржуазии и его замена новой властью; роспуск или обновление прежней армии (с характерным для нее противопоставлением рядового и офицерского состава по классовому признаку) и создание демократической армии, образец которой впервые дала Парижская коммуна; организация вместо старой полиции — демократического корпуса порядка, вооруженных боевых отрядов трудящихся, то есть народной или рабочей милиции типа созданной в 1871 г. или типа нашей Красной гвардии; иными словами, превращение государственного аппарата в орудие подавления контрреволюционных попыток со стороны экспроприированных лиц и обеспечения демократии для трудящихся — таков закон, открытый К. Марксом, разработанный В. И. Лениным и подтвержденный и Парижской коммуной и, позднее, всей новейшей историей развития обществ, совершавших революционный переход к социализму. Закон этот целиком сохраняет свою действенность и поныне.

Поэтому не приходится ни в коей мере преуменьшать значение революционного насилия для пролетарской диктатуры. Коммунистические партии хорошо знают, что оно имеет свое оправдание. Опыт революционного движения нашего времени свидетельствует, что бывшие угнетатели, прибегая к поддержке международного империализма, стремятся свергнуть новый строй и восстановить капитализм. Об этом достаточно красноречиво говорят события 1956 г. в Венгрии и 1968 г. в Чехословакии. Поэтому диктатура пролетариата, государство трудящихся обязаны проявлять твердость в отстаивании завоеваний социализма и давать самый решительный отпор проискам сил реакции. «Быть по-ленински твердыми в защите и отстаивании принципов социализма,— указывал Л. И. Брежнев,— таков урок, который преподает нам жизнь»³³.

Опыт революционной борьбы наших дней свидетельствует также, что там, где по каким-либо причинам старая государственная машина эксплуататоров не ликвидируется в пределах необходимого с надлежащей последовательностью, это отрицательно влияет на развитие социалистической революции. Так обстояло дело в Венгрии до 1956 года. Одной из причин, облегчивших контрреволюционный заговор 1956 г., был тот факт, что после победы «относительно мирным путем» социалистической революции в стране буржуазия «сохранила в значительной мере свои кадры и свою активную политическую роль. Этому способствовало и то,— отмечал Первый секретарь ЦК Венгерской социалистической рабочей партии Я. Кадар,— что вследствие особого развития мы не сломали сразу после 1945 года буржуазный государственный аппарат, за исключением жандармерии и армии, а лишь постепенно изменяли его. Таким образом, буржуазия в течение долгого времени и в значительной мере смогла даже сохранять свое влияние на государственную администрацию и решение экономических и культурных проблем»³⁴. О важности слома государственного аппарата реакционных классов напоминал кубинский коммунист-публицист Ф. Гробарт, освещая уроки Парижской коммуны для социалистической Кубы. Революция «как на своем аграрно-антиимпериалистическом этапе, так и в современной, социалистической фазе,— писал он по случаю 91-й годовщины Коммуны,— является полным подтверждением основных уроков Парижской коммуны... Если бы Кубинская революция не сломала бюрократически-милитаристскую ма-

³³ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Москва, 5—17 июня 1969 г. Документы и материалы». М. 1969, стр. 54.

³⁴ Я. Кадар. Избранные статьи и речи (1957—1960 годы). М. 1960, стр. 52.

шину полукOLONиального и полуфеодалного государства, ее победа, ее мирное перерастание в социалистическую революцию и ее выдающиеся экономические, социальные и культурные достижения были бы невозможны»³⁵.

При всем том деструктивные (первоначально) и репрессивные функции диктатуры пролетариата — хотя по необходимости и важная, но все-таки лишь одна сторона ее³⁶. Основная же функция пролетарского государства — позитивная и созидательная: сплотить и организовать трудящихся на построение социализма. Главное содержание такого государства, как сказано в Программе КПСС, «не насилие, а созидание, строительство нового, социалистического общества, защита его завоеваний от врагов социализма»³⁷. Выделяя конструктивные, организаторские задачи диктатуры пролетариата как первоственные и наиболее значимые, исследователи-марксисты показывают, что созидательный характер был свойствен и Парижской коммуне, которая сделала первые шаги, пусть еще робкие и непоследовательные, в направлении к социализму. Вырвав власть из рук буржуазии, рабочий класс провел серию мероприятий для уничтожения системы капиталистической эксплуатации. Именно в этом заключался внутренний смысл таких мер, как открытие общественных мастерских, передача фабрик, брошенных хозяевами, рабочим ассоциациям (декрет от 16 апреля), введение там элементов планирования производства. Все эти меры «были направлены на социальное освобождение пролетариата»³⁸.

Таким образом, первая в истории власть пролетариата сразу же выступила строительницей новой, социалистической жизни, хотя и действовала скорее по «инстинкту», «чутьем», еще не сознавая ясно подлинного смысла своих деяний. Политика Парижской коммуны как государства нового типа определялась во многом социалистическими мотивами: она перебрасывала «мостики» от капитализма к социализму³⁹, стремясь к тому, чтобы, как писали Совету Коммуны 23 апреля парижские механики и металлисты, «положить конец эксплуатации человека человеком, этой последней форме рабства»⁴⁰.

Пусть социальные мероприятия Парижской коммуны были ограничены, пусть она смогла выдвинуть только наметки программы социалистических преобразований, — они отнюдь не утратили и поныне своей актуальности для борющегося рабочего класса. Знаменательно, например, что, перечисляя социальные реформы Коммуны, деятели ФКП обращают особое внимание на те из них, которые сохраняют свое реальное значение в экономической и политической борьбе французского пролетариата, в частности на осуществленное коммунарами уравнивание женщин в правах с мужчинами (установление равной оплаты за одинаковый труд⁴¹), на подготовку к введению бесплатного обучения в школе⁴². Реконструируя подлинный облик Парижской коммуны и давая отпор ее хулителям из стана идеологов антикоммунизма и ревизионизма, марксисты-ленинцы отмечают и ту заслугу борцов Коммуны, что они не только доказали способность рабочих управлять обществом, но и их способность «решить демократические задачи, о которых буржуазные демократы только болтают»⁴³. Париж-

³⁵ F. G r o b a r t. Enseñanzas de la Comuna de Paris. «Cuba socialista», 1962, № 7, pp. 63, 67.

³⁶ J. C o h e n. Op. cit., pp. 334—335.

³⁷ «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М. 1961, стр. 42.

³⁸ G. C o g n i o t. Op. cit., p. 628.

³⁹ См. В. И. Л е н и н. ПСС. Т. 33, стр. 44.

⁴⁰ «Парижская коммуна 1871 года». М. 1964, стр. 177.

⁴¹ G. C o g n i o t. Op. cit., p. 629.

⁴² N. F e l d. Op. cit., p. 6.

⁴³ J. D u c l o s. 89^e anniversaire de la Commune de Paris. «Cahiers du communisme», 1960, № 4, p. 622.

ская коммуна «хорошо послужила делу свободы и демократии», отмечал историк-коммунист Ж. Гакон⁴⁴; она показала, что рабочий класс достоин править страной⁴⁵.

Изучая и популяризируя историю Парижской коммуны как пролетарского государства, марксисты-ленинцы разъясняют массам истинно демократическое существо пролетарской диктатуры, столь извращаемое и реакционными буржуазными идеологами, и ревизионистами правого и «левого» толка. Марксисты-ленинцы раскрывают величие Коммуны, наглядно доказавшей, что только рабочий класс в состоянии осуществить и обеспечить демократию качественно гораздо более высокого содержания по сравнению с демократией буржуазной. Возражая тем, кто вслед за «обезьяной-тигром» Тьером, называвшим Совет Коммуны «бесчестными представителями бесчестной демократии»⁴⁶, упрекают Парижскую коммуну в «недемократичности», марксисты-ленинцы, напротив, указывают, что если в области демократии и политических свобод Коммуной и были допущены ошибки, то они состояли вовсе не в том, что коммунары «не соблюдали правил демократии, а в том, что проявляли чересчур большую шепетильность в этом отношении»⁴⁷. Пролетарская демократия, подчеркивается в работах деятелей коммунистического и рабочего движения, посвященных Коммуне,— это власть, действующая открыто, на глазах масс, от которых она ничего не утаивает, с которыми всегда советуется; власть, доступная им, проистекающая от них и выражающая волю большинства. Превращаясь в закон, такая воля становится обязательной и для меньшинства. «Диктатура пролетариата демократична по-новому — для трудящихся; она является диктаторской тоже по-новому: по отношению к крупному капиталу... В принципе это самая широкая демократия, которой никогда прежде не существовало... Диктатура пролетариата и пролетарская, или социалистическая, демократия — это две стороны одной и той же медали. Диктатура пролетариата и пролетарская демократия — синонимы»⁴⁸.

Французский историк-марксист М. Шури в одной из своих статей, опираясь на архивные документы, выразительно обрисовал яркий эпизод событий 1871 г., свидетельствующий о том, что связь с самыми широкими массами была главным принципом деятельности Коммуны. Когда в Совете Коммуны обсуждался вопрос, должна ли Федерация клубов информировать Совет о мнениях народа, прежде чем они воплотятся в декреты, прудонист Ф. Журд заявил, что «масса не может быть судьей в вопросах, которые здесь обсуждаются». В ответ на это Ф. Паризель очень решительно сказал: «Нет, не только может быть прекрасным судьей, но я думаю, что она — верховный судья! Говорят, что народ часто ошибался; я позволю себе сказать, что, если народ ошибается, он же и платит; но мы не должны ошибаться, поэтому по каждому из наших актов нам нужно иметь мнение народа...»⁴⁹. «Иметь мнение народа», «опираться на мнение народа» — именно этим руководствовалась Коммуна. Ее власть поддерживали и вдохновляли массы — Национальная гвардия, синдикаты, клубы; они же контролировали Коммуну.

В этом выражалась прямая демократия рабочего государства, которая, как отмечал Ж. Гакон, «вызывает в памяти образы санкюлотов

⁴⁴ J. G a c o n. Op. cit., p. 562.

⁴⁵ N. F e l d. Op. cit. («L'Humanité», 22.V.1969), p. 4.

⁴⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 17, стр. 594.

⁴⁷ G. C o g n i o t. Op. cit., p. 626.

⁴⁸ V. J o a n n e s. Op. cit., pp. 57—58.

⁴⁹ M. C h o u r y. Encore de nouveau sur la Commune de Paris. «La Pensée», № 139, 1968, p. 84.

Второго года Республики, их секции, но вместе с тем предвосхищает также Советы»⁵⁰.

Когда сегодня коммунисты капиталистических стран борются за глубокую демократизацию их общественно-политического строя, они выступают достойными преемниками коммунаров. Коммунисты действуют в ясном сознании того, что в нашу эпоху задачи борьбы за демократию и за социализм сблизились между собою; что коренные демократические реформы подготавлиют сегодня условия для социалистической революции. Свершения Парижской коммуны как истинно демократического государства трудящихся вдохновляют коммунистов в их борьбе за демократию и социализм. «Коммунисты убеждены,— записал ЦК ФКП в Манифесте, принятом в Шампиньи в декабре 1968 г. и являющемся программой действий французских коммунистов на целый исторический период⁵¹,— что передовая демократия, возникающая как результат единства и разносторонней борьбы народных масс, может открыть путь к социалистической перестройке французского общества в интересах рабочего класса, народа и страны»⁵². Успехи борьбы французского рабочего класса и его союзников, одержанные в 1968—1970 гг., свидетельствуют об эффективности демократической альтернативы, выдвинутой компартией.

Битву за глубокие демократические реформы, эту необходимую предпосылку перехода к социалистическим преобразованиям, ведут и коммунисты Италии. «Связь между демократической борьбой и борьбой за социализм составляет центральное ядро нашей политики... По этому пути острых и могучих массовых демократических битв мы пойдем вперед, к социализму»⁵³,— говорил на XII съезде ИКП в феврале 1969 г. ее Генеральный секретарь Л. Лонго. Борьба за демократию составляет одно из важнейших направлений деятельности коммунистических и рабочих партий и других капиталистических стран. Снова и снова возвращаясь к опыту Парижской коммуны, коммунисты неустанно разоблачают лицемерие и антинародную сущность буржуазной демократии как диктатуры эксплуататорского меньшинства над эксплуатируемым большинством, диктатуры «капиталистических монополий над обществом»⁵⁴, являющейся полной противоположностью диктатуре пролетариата— демократии большинства, направленной против низвергнутого эксплуататорского меньшинства. Авторы работ о революции 1871 г., публикуемых в коммунистической прессе, аргументированно доказывают, что пущенные в оборот буржуазной пропагандой фразы о «чистой», «западной», «универсальной» и «целостной» демократии— это лишь камуфляж, призванный скрыть тот факт, что «чистой демократии», в равной мере приемлемой для угнетенных и угнетателей, в обществе, разделенном на антагонистические классы, нет и быть не может⁵⁵. Так называемое демократическое государство в условиях капиталистического строя— это орудие буржуазии. Власть буржуазии— это диктатура, иногда более, иногда менее жестокая, но всегда направленная против трудящихся, против эксплуатируемых. При буржуазной демократии массы отстранены от участия в управлении страной.

Связывая анализ уроков Парижской коммуны с оценкой полити-

⁵⁰ J. G a s o n. La Commune et la démocratie réelle. «France Nouvelle», № 1023, 26.V.—I.VI.1965, p. 7.

⁵¹ Э. Ф а ж о н. О тезисах XIX съезда Французской коммунистической партии. «Проблемы мира и социализма», 1970, № 6, стр. 18.

⁵² «Pour une démocratie avancée, pour une France socialiste! Manifeste du Comité Centrale du P.C.F.» («L'Humanité», 7.XII.1968, p. 7).

⁵³ L. L o n g o. Un'alternativa per uscire dalla crisi. Rapporto al XII Congresso del Partito comunista italiano. Roma, 1969, pp. 28—29.

⁵⁴ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 33.

⁵⁵ V. J o a n n e s. Op. cit., p. 57.

ки правящих кругов Франции накануне установления режима личной власти, Ж. Коньо обличал их антидемократический курс, в частности не прекращавшиеся тогда усилия по пересмотру конституции с целью еще более упрочить исполнительную власть и урезать права депутатов, избранных всеобщим голосованием. Свобода и демократия, указывал он, уважаются буржуазией лишь в той мере, в какой они служат ее интересам. Если они оборачиваются в пользу народа, буржуазия старается задушить их. И только энергичное вмешательство масс в состоянии помешать этому. Шаткость буржуазной демократии как раз и доказывается усилиями реакции изменить избирательный закон, уничтожив пропорциональное представительство, — из страха перед растущим влиянием коммунистической партии⁵⁶. Десять лет спустя В. Жоаннес, как бы продолжив этот анализ событий в своей статье о Коммуне, показал результаты конституционных реформ, проведенных в жизнь в 1958 году. Сегодня коммунисты, писал он, могут собрать $\frac{1}{5}$ часть голосов избирателей, но получают лишь $\frac{1}{15}$ часть депутатских мест. Он напомнил о репрессиях, шантаже, насилиях правящих кругов в отношении подлинно демократических элементов. Все это, констатировал В. Жоаннес, подтверждает очевидность той истины, что не может быть подлинного равенства, пока не будет уничтожена возможность эксплуатации. Эксплуатируемый не может быть равен эксплуататору⁵⁷.

Немаловажной составной частью политической деятельности французских коммунистов является их работа по завоеванию органов местного самоуправления и в самих муниципалитетах⁵⁸. Одна из ее задач заключается в том, чтобы, по словам Ж. Лакруа, члена федерального комитета ФКП в департаменте Сен-Дени и заместителя мэра в Нуази-ле-Сек, «раскрывать населению подлинную роль государства монополий и подвести массы через борьбу за ближайшие конкретные требования к борьбе за коренные изменения»⁵⁹. Действуя в этом направлении и решительно отмежевываясь от реформистских идей «муниципального социализма», коммунисты активно отстаивают муниципальные права и свободы⁶⁰. И здесь ФКП обращается к истории Парижской коммуны, чьи традиции живы в сердцах трудящихся. Ведь Парижская коммуна в известном смысле была, по определению Ж. Дюкло, и муниципальной революцией, поскольку «существование Коммуны, — это указывал еще К. Маркс, — вело за собой, как нечто само собой разумеющееся, местное самоуправление...»⁶¹. Идеалом коммунаров в организации власти в национальном масштабе была коммунальная власть на местах и федерация коммун Франции⁶².

Последовательно разоблачая антидемократическую политику правящих кругов по отношению к муниципалитетам, ФКП противопоставляет ей муниципальную политику пролетарских революционеров 1871 г., которая благоприятствовала развитию муниципальной автономии. Марксисты-ленинцы выступают за централизацию государственной власти. Но она не означает уничтожения местного самоуправления. Напротив, политика господствующих классов во Франции ведет к ущемлению муниципальных свобод. Муниципалитеты и гене-

⁵⁶ G. Cogniot. Op. cit., p. 625—626.

⁵⁷ V. Joannes. Op. cit., p. 57.

⁵⁸ Подробнее см. А. Л. Ефимова. Работа коммунистов в органах местного самоуправления. «Борьба Коммунистической партии Франции за единство левых сил». М. 1968, стр. 192—228.

⁵⁹ См. «Работа французских коммунистов в муниципалитетах», стр. 83.

⁶⁰ Об этом вновь свидетельствуют резолюции Пленума ЦК ФКП в Дранси (21 мая 1970 г.), определяющие линию компартии в данной области. См. «Sur les élections municipales» («Cahiers du communisme», 1970, № 6, pp. 118—119), «Sur l'orientation du travail municipal» (ibid., pp. 119—124).

⁶¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 17, стр. 345.

⁶² См. «Работа французских коммунистов в муниципалитетах», стр. 81—82.

ральные советы лишены элементарных прав. Власть префекта в департаменте подавляет местную инициативу, исходящую от народа. Статьи конституции, определяющие административные права генеральных советов, остаются мертвой буквой. Париж с 1871 г. вообще находится на особом положении: уstraшенная Коммуной, буржуазия лишила его прав, которыми хотя бы формально обладает любая община,— он не имеет избираемого мэра. Власть префекта столицы почти неограниченна, и он, равно как и высшие чиновники министерства внутренних дел, часто попирает волю муниципалитета⁶³. И все это апологеты фальшивой буржуазной демократии называют равенством перед законом⁶⁴. Раскрывая ее лживость, Ж. Коньо писал, что свобода при этом режиме — свобода беспощадно эксплуатировать трудящихся и обращать против них всю мощь государственной машины⁶⁵.

Так на конкретных фактах, посредством сопоставления Коммуны и современной социально-политической действительности, марксисты-ленинцы выясняют, каким образом расплывчатое требование «свободы и демократии» в устах буржуазных политиков и пропагандистов становится средством, используя которое они пытаются метать громы и молнии против коммунистов. Когда же «туман абстракций», нагроможденных идейными противниками Коммуны, рассеивается, наглядно видно, что защита «свободы и демократии» идеологическими прислужниками империализма «прикрывает весьма конкретную защиту свободы крупной буржуазии, которая на практике исключает всякое реальное содержание свобод и демократических институтов»⁶⁶. Не такой была Парижская коммуна, воплощавшая совсем иную концепцию демократии! И как раз история подавления Парижской коммуны версальцами отчетливо показала рабочим, что представляет собой буржуазная демократия. Оргия террора, кровавая баня, последовавшая за военным поражением Коммуны, учила трудящихся не верить буржуазии на слово, когда она восхваляет свою «демократию». С того времени эта демократия выражается в знаменитой фразе Тьера, протелеграфированной префектам: «Земля усеяна их (коммунаров.— М. З.) трупами. Это... зрелище да послужит уроком». Но урок, извлеченный рабочим классом Франции, был не тем, на который надеялся Тьер. «Это был урок не покорности и рабского смирения перед буржуазией. В диких репрессиях и белом терроре рабочий класс, напротив, увидел подтверждение того, что уже высказал в своем воззвании от 20 марта 1871 г. ЦК Национальной гвардии: «Буржуазия всеми силами и всеми средствами противодействует свободному развитию трудящихся. В немеркнущем свете этой истины... рабочие поняли, что они должны следовать не оппортунистическому пути сохранения буржуазного строя, а идти дорогой социалистической революции, славной дорогой, которую наметила Парижская коммуна...»⁶⁷.

Опыт Парижской коммуны наряду с опытом последующих пролетарских революций, а особенно и прежде всего Великой Октябрьской социалистической революции, используется сегодня коммунистическими и рабочими партиями капиталистических стран для политического просвещения и обучения масс, для руководства ими в новых исторических условиях, для того, чтобы помочь трудящимся до конца осознать необходимость борьбы против власти капитала, необходимость социалистической революции.

⁶³ «Contrat communal proposé par le Parti communiste français pour une gestion sociale, moderne, démocratique». «Cahiers du communisme», 1970, № 11, p. 29.

⁶⁴ См. G. Cogniot. Op. cit., p. 623—624.

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ V. Joannes. Op. cit., p. 52.

⁶⁷ G. Cogniot. Op. cit., p. 627.